

шие из своего социального окружения или времени, именно они наиболее активно разрушают основы общественного порядка, ошибочно усматривая в этом возможность решения своих проблем.

Аутсайдеры могут стать ударной силой политического переворота, способного привести к власти самые чудовищные режимы, которые черпают свою репрессивную силу в злобе и человеконенавистничестве аутсайдеров.

Надо отметить, что большинство общественных конфликтов, выливающихся в политическое противостояние, в основе своей обусловлены этическими конфликтами, они зиждутся на принципиально различных подходах к пониманию должного. Некогда единое общество, объединенное единой национальной культурой, в своем развитии неизбежно дифференцируется и распадается на общности, различающиеся собственными системами этических представлений, разделяемыми их членами. Именно эти общности и являются потенциальными участниками всех общественных конфликтов. Для актуального участия такое общество должно обрести институционализацию, объединиться вокруг лидера-моралиста, сформулировавшего ценностно-мировоззренческое кредо общности. Вокруг таких моралистов, которые выступают медиаторами существующих в обществе представлений, и объединяются массы людей, что предопределяет различную роль высокого и низкого человека (первый играет по преимуществу роль моралиста-медиатора, а второй — инструмента его творческой активности).

Вместе с тем, нельзя говорить об этической предпочтительности высокого человека низкому, честного — бесчестному, соблюдающего территорию — не соблюдающему ее. Выбор собственного Я находится вне возможности самого этого Я, что подразумевает предопределенность нашей роли в общественном развитии, которую невозможно изменить, но которую можно сыграть максимально качественно.

*Юрий Альфонович КИЛИС —
доцент кафедры философии и социально-
гуманитарных дисциплин
Омского государственного института сервиса,
кандидат философских наук*

УДК 1:001.8

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ГАРМОНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль противоречий и гармонии в процессе развития. Особое внимание уделяется степени обоснованности диалектической теории в аспекте онтологизации и универсализации ею роли противоречий. Опираясь на собственную концепцию, автор показывает социальные последствия, к которым приводит различное понимание источника развития.

The author considers the role of contradictions and harmony for the process of development and focuses predominantly upon the level of philosophical grounding assigned to the ontological and universal role of contradiction. Having attracted his own theoretical approach the author makes obvious social consequences that come as a result of a discrepancy in the perception of the development source.

Диалектика настаивает на том, что универсальной причиной развития является наличие, обострение и конфликтное разрешение противоречий, которые

возникают как взаимоотношения противоположностей некоторого единства. Это положение не вполне корректно и нуждается в переосмыслении. Взаимоотношения противоположностей действительно способствуют развитию и являются одной из его причин, однако они не универсальны. Кроме того, применение категории противоречия к объективной реальности семантически несообразно.

Понятие «противоречие» и его латиноязычные аналоги (*contra-dictia*) указывают на противоположность человеческих суждений (отношений, точек зрения). Другими словами, противоречия это и есть противоречия людей. Они не существуют в природе, хотя в ней выделяются различные противоположности: день-ночь, верх-низ, тепло-холод, положительные и отрицательные заряды, ассоциация и диссоциация, мужское и женское и т. п. Здесь нет противоречия как несогласованности, нестыковки, разногласия. Наоборот, налицо единство, взаимосвязь, взаимная дополняемость, невозможность одного без другого. Каким образом обострение и разрешение так называемых противоречий через конфликт может привести тут к появлению нового качества, остается загадкой.

«Противоположности не противоречивы, а дополнительные», — записал Н. Бор в одном из физических институтов СССР. Характерна реакция на эти слова отечественной школы диалектики: «Дополнительность — несомненно форма отражения объективного диалектического противоречия, присущего микрообъектам» [7: 30]. Это положение не только не является «несомненным», но как раз более всего сомнительно и требует самого пристального рассмотрения.

В философском исследовании с многообещающим названием «Материалистическая диалектика как общая теория развития» не удалось найти ни одной страницы, на которой рассматривался бы вопрос о том, почему именно диалектика является общей теорией развития. В работе приводится множество примеров того, как в процессе развития осуществляется взаимосвязь различных компонентов целого, как новое связано со старым; рассматривается взаимосвязь таких противоположностей, как универсальное и многообразное, прерывистое и непрерывное, объективное и субъективное, абсолютное и относительное и др. Но нигде не обосновано, почему именно диалектика, суть которой в осуществлении и исследовании противоречий, борьбы противоположностей, может быть названа универсальной теорией развития. Само собой разумеющимся и «несомненным» в этом фундаментальном труде считается то, что требует доказательства и, более того, не является истинным.

В наиболее концептуальном первом томе упомянутого исследования, имеющем подзаголовок «Философские основы теории развития», вопрос о том, почему противоречия являются источником развития, не рассматривается даже в одноименном параграфе. Констатация этого положения не сопровождается разъяснением, почему это правильно (или неправильно), какие еще возможны источники развития и почему выбор пал именно на противоречия. По-видимому, это верно потому, что так считали основоположники диалектического материализма, и не дело его последователей искать фундаментальные основания, которые уже определены. Это подозрение подтверждается множеством соответствующих цитат.

В нашем понимании, развитие в конечном счете устремлено к гармонии как фундаментальному состоянию бытия, она является его *causa formalis et causa finalis*, идейной и целевой причиной. Внимание ко всему эмпирически происходящему, непротиворечивая логика, известное усилие умозрения и в итоге вполне возможно трансцендирование к первичным основаниям. Тогда именно гармония открывается как точка притяжения мирового развития [5].

Некоторые авторы философских исследований гармонии как будто соревнуются друг с другом в том, кто теснее свяжет понятие гармонии с понятием

противоречия. Э. М. Сороко утверждает: «Гармония в ее собственном смысле может возникать лишь там, где имеется противоречие. Более того, она есть мера разрешенности противоречия» [12; 6]. По мнению В. Т. Мещерякова, на связь категорий гармонии и противоречия якобы указывают многие мыслители. Показательно его резюме слов П. И. Чайковского, писавшего о невозможности перечисления в музыкальной теории всех гармонических звуко сочетаний, «ибо индивидуальности разнообразны до бесконечности». По словам исследователя, это «замечание... свидетельствует, что гармонизация есть прежде всего работа по разрешению противоречий» [8; 163].

Авторы специального исследования о взаимосвязи гармонии и противоречия В. А. Белоусов и А. В. Демичев критикуют даже своего единомышленника Э. М. Сороко за его следование пифагорейской традиции и недостаточное внимание к противоречивому характеру гармонии. У этого философа обнаруживают «лишь следы диалектической связи гармонии и противоречия», что якобы делает гармонию «формально-логически рафинированной» и «умерщвленной» [2; 84]. Все без исключения отечественные исследователи гармонии последних десятилетий подвергаются сторонниками чистоты метода большей или меньшей критике именно по вопросу о диалектическом характере их работ, все же не преодолевших пифагорейскую традицию.

В монографии «Диалектический метод познания» «натуральные» противоречия иллюстрируются, например, единством теплового излучения и поглощения, которые свойственны «не различным телам, а одному и тому же телу, они взаимодействуют между собой, и... преобладающей оказывается то одна, то другая тенденция. Одним словом, — делает вывод А. П. Шептулин, — (осуществляется) единство противоположностей, ведущих между собой постоянную борьбу» [13; 215]. Однако остается непонятным, в чем здесь борьба, где именно противоречие, тем более — его обострение и конфликт. Аналогично рассмотрение сущности электрических явлений как разрешения «противоречия» между электроном и протоном (?! — Ю. К.). Вообще, как показывает внимательное рассмотрение, обоснование ключевой роли противоречий и конфликтов в качестве предполагаемых причин развития происходит не логически или эмпирически, а в форме повторяющихся переформулировок этого постулата, что напоминает самовнушение.

Уже отмечалось, что противоречия возможны в человеческой сфере как логические противоречия. По мнению А. П. Шептулина, противоречия в мышлении имеют место лишь потому, что они существуют в объективной действительности [13; 198-199]. Но тогда невозможны никакие человеческие ошибки, теоретические заблуждения, логическая несообразность как неадекватное понимание внешней реальности, а это не согласуется ни с практикой, ни со здравым смыслом. Проще говоря, если человек сказал глупость, это еще не значит, что он уподобился миру.

Стремление выйти за пределы диалектического «ужесточения» в понимании социальной структуры и социального развития существует не только в западной философии. Однако это стремление не всегда реализуется последовательно и в полной мере. Нелегко выйти за пределы диалектической парадигмы, которая десятилетиями внушается еще со школьной скамьи. А. А. Давыдов присоединяется, по его словам, «ко многим исследователям», которые видят в будущем мире «преобладание диалектики, основанной не на борьбе противоположностей, а на их единстве» [4; 36]. Таким образом, разделение целого на части по-прежнему сводится к его раздвоению, а понятие диалектики остается преобладающим. При этом непонятно, что такое диалектика без противоречий и даже без борьбы противоположностей.

Не создает противоречия и принцип взаимной дополнителности. Так, если элементарная частица в разных приборных ситуациях ведет себя или как корпускула, или как волна, это не означает, что она обладает взаимоисключающими характеристиками. Даже на уровне объективной реальности эти ее характеристики сосуществуют, следовательно, уже поэтому они не могут считаться взаимоисключающими. Кроме того, семантически корпускула и волна — не антонимы, значит, они могут дополнять друг друга, не исключая, на законном логическом основании. Один и тот же предмет действует по-разному и даже противоположным образом, взятый (или данный) в разных отношениях, без нарушения закона противоречия; это понятно любому здравомыслящему человеку. В народе говорят: «Молодец среди овец, а против молодца — сам овца».

Как известно, по второму закону логики никакое суждение и его отрицание не могут быть одновременно и в одном и том же отношении истинными. Утверждать противоположное — значит признавать недопустимое логическое противоречие. Но как возможно в таком случае диалектическое противоречие, о важности и необходимости которого так много говорят? Почему принцип многостороннего рассмотрения «истинно *и* одно, *и* другое» более адекватен реальности, чем «черно-белый» принцип одностороннего подхода «истинно *или* одно, *или* другое»? Причина в том, что так называемое диалектическое противоречие — это своеобразная метафора, которая не является реальным логическим противоречием. Именно потому, что все связано со всем, адекватное понимание предмета предполагает учет возможно большего количества связей. При этом они сочетаются в некотором конкретном предмете, явлении или человеческой целостности как различные или даже противоположные, но логически вовсе не противоречивые, поскольку не нарушается закон логики, обусловленный необходимостью его применения в одно и то же время и в одном и том же отношении.

Следует отметить, что понятие одновременности требует также строгого применения закона тождества. Когда говорят, например, что человек должен быть одновременно и решительным, и осторожным, это предполагает значение «одновременно» как «вместе вообще», а не «вместе здесь и сейчас». В английском языке есть время неопределенное (*indefinite*) и продолженное, точнее сказанное — длящееся (*continuous*). Закон противоречия требует своего соблюдения именно во втором из упомянутых, т. е. в узком смысле этого слова, а одновременно и то, и другое как черта характера есть сочетание качеств в более широком значении. Наконец, что касается конкретного примера, решительность не равна неосторожности, т. е. между этими качествами нет логического противоречия, которое присутствует в (невозможном) одновременном сочетании решительности и нерешительности или осторожности и неосторожности.

Понятия противоречия, антиномии и парадокса синонимичны. Если парадоксом называют противоречие между теорией и реальностью, значит, эту теорию рассматривают как абсолютно истинную, т. е. предельно полную и точную, что некорректно. Следовательно, этот парадокс вполне субъективен. Говорят даже о термодинамическом парадоксе [14], поскольку одинаково реальны как второе начало термодинамики, так и отсутствие движения к так называемой тепловой смерти Вселенной. Если признать, что указанный принцип термодинамики не является универсальным принципом развития (а он таковым не является), то никакого парадокса не остается. По неизвестной причине парадоксами называют логическое следование любого высказывания из ложного или противоречивого. Но это лишь подтверждает, что истинное умозаключение требует истинных посылок. Павел Флоренский считает единство божественной Троицы антиномичным, но не видит в этом ничего плохого, полагая, что это противоре-

чие надо не снимать, а преодолевать подвигом веры. Поистине, необходим подвиг для отрицания имманентно присущей человеку рациональности! Нельзя не согласиться с тем, что парадоксы, антиномии и противоречия выступают индикаторами кризисных состояний познания и стимулируют выдвижение новых исследовательских программ [14].

Так называемый антиномизм противозаконен по самоопределению. В силу этого он столь привлекателен для неразвитых людей, не желающих знать и применять какие бы то ни было законы и бунтующих против закона и порядка. Человек, уважающий логику как нравственность своей мысли, не станет любоваться формами ее противозакония, т. е. антиномиями. Можно говорить, что антиномии столь же субъективны, сколь и противоречия и парадоксы, а их причина — недоразумение. Это суждения о предмете, взятом в разных отношениях. Так, например, нет никакой антиномии, никакого нарушения логики в том, что предмет одновременно большой и белый: в первом случае он берется в отношении размера, во втором — в отношении цвета. Что касается четырех кантовских антиномий, то по своей сути они являются результатом неполного понимания взаимосвязи абсолютного и относительного.

Характерно, что в противоречиях познания нет равноправия противоположностей. Если один человек прав, т. е. адекватно отражает внешнюю реальность, а другой не прав, т. е. искажает ее, то их конфликт не приведет к «среднеистинному», поскольку истина в каждом конкретном случае одна. Если же, как иногда говорят, «каждый по-своему прав», то это либо рассмотрение вопроса в сфере чистой субъективности (целесообразность, вкусы и т. п.), выходящее за пределы поиска истины, либо — свидетельство различных путей ее постижения. Но в последнем случае противоречия не возникают, а различные подходы, если они конструктивны, только дополняют друг друга. Именно в этой связи говорится, что всякая теория, как правило, верна в том, что она утверждает, и неверна в том, что она отрицает.

Разумеется, возможны не только логические, но и социальные противоречия, поскольку они создаются не только человеческими ошибками в мышлении, но и противоположностью социальных интересов. Но где нет речи, там невозможны и противоречия. Так, отношения хищников и их жертв противоположны, но говорить о наличии между ними противоречий семантически несообразно. Противоречия — это рационализация противоположностей в сфере социальных или межличностных отношений, а также логические ошибки.

Гармония представляет собой вид связи, но не становится из-за этого диалектической категорией. По Гегелю, суть диалектики — это раздвоение единого и познание его противоречивых частей. Философ полагал, что каждая противоположность содержит свое иное в самой себе и в то же время как нечто самодостаточное отталкивает от себя свое инобытие. Диалектика склонна абсолютизировать принцип развития и предвосхищать его еще не ставший результат как наличное состояние. Характерный образец такого мышления представлен в следующем двойном определении: «Гармония — неразвитая, неклассическая форма противоречия, дисгармонии; противоречие, дисгармония, в свою очередь — неклассические виды гармонии» [2; 60]. Ироническую метафору такого мышления предложил английский писатель Г. К. Честертон, симпатизирующий томизму. В глазах диалектика, писал он, яйцо — это недоразвитая курица, а курица — развившееся яйцо. Разумеется, в процессе развития нечто становится иным, но оно является тем, чем оно является в определенное время. Стоит ли добавлять, что гармония не есть форма противоречия, а противоречие не есть вид гармонии?

К. Поппер справедливо отмечает, что претензии диалектики быть логической теорией и одновременно общей теорией мира не имеют под собой ни малейшего

основания. «Они опираются лишь на неопределенную и туманную манеру речи, характерную для диалектиков» [11]. Противоречия действительно могут способствовать прогрессу знания «только до тех пор, пока мы полны решимости не терпеть противоречий и изменять любую теорию, которая их содержит». «Теория, которая добавляет ко всякой утверждаемой в ней информации также и отрицание этой информации, не может дать нам вообще никакой информации. Поэтому теория, которая включает в себе противоречие, совершенно бесполезна в качестве теории» [11].

Непредвзятое исследование гармонии склоняет к пониманию частного значения борьбы для процесса развития. Автор философско-этического очерка о гармонии и дисгармонии личности замечает, что не надо постоянно бороться. «День не победит ночь, а ночь — день. Косарь не победит луг» [9; 46]. Утверждая универсальный характер борьбы, обычно ссылаются на слова Гераклита о том, что «борьба всеобща, что справедливость в распре, что все рождается через распрю и по необходимости» [1; 28]. Как известно, никто не может видеть истины во всей ее полноте; тем более неразумно требовать этого от древних. Гераклит Эфесский немало говорил о гармонии, обращая внимание на ее простой вид — гармонию противоположностей. Он не ставил перед собой цели создать о гармонии целостное философское учение.

С упорством, достойным лучшего применения, диалектика разыскивает во всем борьбу, конфликтность, «раздирающие» противоречия и т. п. «Господство» единства противоположностей в гармонии, — пишут сторонники такого подхода, — не означает отсутствия в ней борьбы таковых, их конфликтности в отношениях друг с другом». Правда, «борьба не имеет здесь своих крайних форм антагонистичности» [2; 70] (по-видимому, речь идет об антагонистичности среднего уровня). «Любопытно узнать, — спрашивают авторы у своих предполагаемых оппонентов, — как гармония, исключая противоречие, приводит к гибели предмета?». Отвечаем: обеспечивая такие условия, при которых дальнейшее существование этого предмета становится излишним.

Попытка инкорпорировать категорию гармонии в марксистскую философию заметна уже у А. А. Богданова. Он пытается примирить гармонию с борьбой, разводя их по времени и рассматривая в разных отношениях. Примечательно, вообще, это идейное стремление к борьбе — за справедливость, за чистоту, за лучшее будущее. А. А. Богданов пишет даже о борьбе человека за удовлетворение потребности стать целым [3; 39]. Возможно, более адекватным здесь является понятие стремления, которое не исключает преодоления трудностей. Борьба предполагает противника, и в этом качестве называют не только других людей, но и внешнюю среду, природу, мир в целом, самих себя.

Упомянутый выше теоретик социализма рассуждает следующим образом: «Противники товарищеских отношений утверждают, что сами по себе эти отношения застойны, именно потому, что гармоничны... Где есть гармония, там некуда и незачем дальше идти. Так ли это?» Богданов считает, что с прекращением борьбы человека против человека разворачивается совместная человеческая борьба против стихийных сил природы [3; 45]. Другими словами, гармония хороша и она будет, только не во всем, иначе какова причина развития? Свое окончательное оформление эта теоретическая неопределенность получает в таком заключении: «Вполне гармоничное, чуждое внутренних противоречий развитие — это для нас только предельное понятие, выражающее известную нам из опыта тенденцию к освобождению процессов развития от связанных с ними противоречий» [3; 59]. Таким образом, социальная гармония, по Богданову, это тенденция к освобождению развития от противоречий. Однако гармония вовсе не противоположна противоречиям; более того, она является не результатом, а средством

их разрешения. От противоречий не избавиться: пока есть «речь», выражающая мнения и интересы, будут и противоречия. Другое дело, что возможна не только простая гармония, относительно уравнивающая противоположности, но и более тонкая, выходящая за пределы такого баланса.

Многие авторы определяют потребность как противоречие (Н. Н. Михайлов, А. Г. Здравомыслов, Т. А. Марченко и др.) [6; 18]. Вообще говоря, потребность — это нуждаемость в чем-либо, и она так или иначе удовлетворяется. Потребность, которая не может быть удовлетворена, не имеет смысла (а он в том, что потребность является механизмом осуществления активности в определенном направлении). Противоречие возникает лишь в том случае, когда появляется конкуренция противоположных потребностей у разных субъектов. Во многих случаях бывает достаточно небольшого усилия, чтобы потребность была удовлетворена. В пределе можно говорить не о противоречии между субъектом и средой его существования, а о их гармонии. Птицам нужны плоды (ягоды) растений для питания, а растениям — птицы для распространения семян. Самке нужен самец, а самцу — самка. В чем тут противоречие потребностей? Продавец и покупатель находят согласие (гармонию) в цене и качестве товара, что удовлетворяет потребности обоих. Возможны задержки или временные препятствия в удовлетворении потребностей. В таких случаях от субъекта требуется дополнительная активность или, наоборот, соответствующая обстоятельствам терпимость. Это и есть жизнь, а предложенная Гегелем идеология повсеместного поиска постоянно возникающих и постоянно разрешающихся противоречий — субъективная метафизика, которая кажется не вполне адекватной. Противоречие есть казус, исключение из правил, а гармония — само правило.

Дисгармонично ли разрушение старого качества и появление нового, описываемые первым и третьим универсальными законами развития (законами «диалектики»)? Разумеется, нет. Более того, всякое разрушение готовится именно тем, что устаревающее качество становится все более дисгармоничным. Это проявляется по отношению к тому целому, частью или единичным элементом которого оно является. Окончательное разрушение старого происходит потому, что дисгармония его пребывания в целом становится чрезмерной. В известном смысле можно утверждать, что гармония уничтожает, в конечном счете, все, что с ней несовместимо. Обычно видны конкретные агенты, выступающие в роли терминаторов по отношению к отжившему. Скрытый же механизм подобных действий — гибель старого «перед лицом» превосходящей его гармонии, которая не допускает нетерпимого. Следует также помнить, что отрицание старого не может быть абсолютным, если развитие осуществляется нормально, т. е. без дисгармонизирующего вмешательства не всегда разумного человека.

В диалектическом понимании «гармония противоречива уже потому, что она существует между, по крайней мере, двумя объектами, которые различны, и не только между собой и окружающей средой, но и внутри себя как сложные образования» [6; 65]. Однако наоборот, именно в той мере, в какой существует противоречивость взаимосвязи элементов без их взаимной дополнителности, гармония невозможна. Постоянно происходящее развитие, появление элементов новизны не является противоречивым по отношению к устойчивости, ведь изменяется не то же самое, что остается постоянным, а другое! Противоречие возникло бы только в том случае, если бы одно и то же одновременно изменялось и не изменялось в одном и том же отношении. Но такое невозможно и поэтому не бывает. Следовательно, рассматривая гармонию, корректнее говорить не о противоречивости противоположностей или других элементов целого, а об их дополнителности. Говоря же в общем виде, не следует использовать не по назначе-

нию вполне ясное понятие противоречия, необоснованно заимствованное диалектикой у формальной логики.

Диалектическое преувеличение значимости борьбы противоположностей и понимание противоречия как фундаментального источника развития должны быть переосмыслены. Холистический и гармонический по своей сути метод, традиционно называемый диалектикой и предполагающий понимание первичности целого, не имеет разумной альтернативы. Он включает в себя принципы всеобщей связи и развития, невозможность безмерных количественных изменений без перехода в новое качество и наоборот, продуктивное взаимодействие противоположностей в рамках единства, преемственность, исключаящую абсолютное отрицание в развитии, понимание взаимосвязи необходимого и случайного, существенного и проявленного, возможного и действительного и т. п. Если говорить о взаимоотношении противоположностей, то это всегда их взаимное дополнение, но не обязательно и даже нежелательно конфликтно-противоречивое. По аналогии с этим нарушение меры при переходе количественных изменений в качественные есть не столько «революционный» процесс, сколько прерывность постепенности развития. Во многих случаях можно и нужно заменить словоупотребление «диалектическое» взаимоотношение или взаимодействие на «гармоническое» — не только без утраты влагаемого в это смысла, но именно для его более адекватной передачи.

Уже Плотин понимает диалектику как метафизику: «Диалектика позволяет судить о Благе и о не-благге, о том, что подчинено Благгу, а также и о том, что подчинено не-благгу, о том, что вечно, и о том, что преходяще» [10]. А. Ф. Лосев предпринял исследование под названием «Средневековая диалектика», в котором собственно диалектику почти не обнаружил. «Если понимать под диалектикой единство и борьбу противоположностей, — пишет философ, — то, очевидно, диалектика Алкуина (а также Иоанна Дамаскина, Михаила Пселла и других — Ю. К.) вовсе не есть диалектика, а самая настоящая формальная логика, основанная на Аристотеле, стоиках и Порфирии» [5]. Самое яркое проявление диалектики обнаружилось в средние века у Абеяра, однако не в сочинении по грамматике и логике, названном «Диалектика», а в удивительной работе «Sic et non»: «Эта раздирающая, а мы бы сказали душераздирающая диалектика пронизывает у Абеяра весь его труд, так что в конце концов даже и возникает мысль, нельзя ли и вообще, по Абеяру, говорить что угодно о чем угодно».

Если у схоластов и обнаруживались противоречия, то не более чем как внутренняя характеристика и свидетельство несовершенства их взглядов. Характерно, что среди так называемых диалектиков средневековья А. Ф. Лосев называет исключительно номиналистов, от Росцелина до Оккама и Буридана, в меньшей степени — некоторых их предшественников, давая им самую нелестную оценку: «Исключительный номинализм хотя и нужно было бы считать расцветом номиналистической диалектики, но, ввиду его пустословия и философской неграмотности, а главное, ввиду его полной логической невозможности, его даже трудно назвать расцветом номинализма. Ведь подобного рода расцвет есть полное падение философии вообще» [5].

Диалектика не столь совершенна, а метафизика не столь порочна, как это часто представляют. Будучи основанием философской методологии, метафизика исследовала принципы, названные впоследствии диалектическими, задолго до Канта и Гегеля. Аристотель и схоласты-реалисты писали об актуальном и потенциальном, субстанциальном и акцидентальном и даже критиковали жесткость философского идеализма: в этом известный корень разногласий как Аристотеля с Платоном, так и томистов с августинианцами. Диалектика считает противоречия универсальными и закономерными, хотя по отношению к гармонии они случайны как специфический продукт свободы.

Развитие может происходить и происходит в разных формах. Конфликтное разрешение противоречий осуществляется лишь в социально-гуманитарной сфере и представляет собой наиболее простую и грубую форму развития, которая наименее эффективна. Не только взаимоотношение антагонизмов как разнородных сущностей вне единства, но и конфликт противоположностей в любой целостности является деструктивным. Он негативным образом нарушает и подрывает эту целостность, а переход к новому качеству оказывается максимально трудным и болезненным. Напротив, конструктивной формой и одновременно универсальной причиной развития является гармонизация, стремление к соразмерности целого. Культивирование противоречий и конфликтов связано с универсализацией простой и грубой формы развития. Это выражается в отказе от реализации гармонии и целостности ради насилия, поэтому должно быть преодолено теоретически и практически.

Конфликтное разрешение противоречий является следствием некорректного применения свободы, порождающего активную, самую жесткую форму дисгармонии. Когда часть претендует на место целого или не желает уважать права другой части и ее не менее законное место в пределах того же целого, возникает конфликт. Он может проявиться не только как взаимное уничтожение противоположностей ради нового качества, но и как временная победа одной противоположности или даже части целого над другими его сторонами. В последнем случае неизбежно торможение процесса развития с дальнейшим его исправлением через постепенную и трудную гармонизацию. Возможен безрезультатный конфликт, истощающий энергетику целостности и не приводящий к ее существенному изменению. Наконец, претензия какой-либо противоположности или части занять место целого может породить конфликт между нею и всем целым с перспективой очистительного уничтожения самозванца или приведения его к общему знаменателю. Так или иначе, развитие осуществляется, только с разной скоростью и различной мерой эффективности, а также с большими или меньшими потерями — материальными, энергетическими и даже человеческими.

Классическим примером исследования «продуктивного» характера противоречий считается анализ сущности капитализма, в котором вскрываются экономические и политические противоречия общественных классов. История XX в. ярко показала деструктивный характер конфликтного разрешения противоречий в социальной сфере, закрепив свое разоблачение кровавой печатью. Оказалось, что то или иное понимание причины развития не безотносительно к социальной идеологии и практике. Оно либо деструктурирует общество, иницируя и поддерживая возможные конфликты, либо способствует его гармонизации на основании единства и целостности. Выбор небогат и вполне ясен. Поскольку конфликт следует за неумелым распоряжением свободой, он не является необходимым; его можно избежать, обеспечив условия для конструктивной гармонизации. Конкретно это предполагает знание своего и чужого места в соответствии со способностями, а при их изменении — отказ от деструктивного характера взаимодействий.

Определение причины развития имеет общефилософский характер. Оно зависит от различного отношения к миру вообще: деструктивного или конструктивного. В первом случае мир понимается как внутренне противоречивый, каждая клеточка которого раздирается неизбежными и в идеале непримиримыми противоречиями, происходит постоянная борьба и взаимное уничтожение противоположностей, с неясными истоками и в бессмысленной перспективе. В другом понимании мир целостен и умеренно упорядочен, он имеет устойчивые основания и стремится к поддержанию единства и гармонии, взаимному соответствию внутренних элементов (формы — содержанию, возможностей — потребностям и т. д.). Противоречия оказываются в этом случае проявлением

человеческого несовершенства и нуждаются в преодолении. Разрушение необходимо и является аспектом развития, однако оно может осуществляться разными способами, и значение его не должно преувеличиваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой философии: Античность. М.: Изд-во «Харвест», 2001. 960 с.
2. Белоусов В. А., Демичев А. В. Гармония: противоречие, связь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1981. 192 с.
3. Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
4. Давыдов А. А. Модульный анализ и конструирование социума. М.: Ин-т социологии РАН, 1994. 198 с.
5. Килис Ю. А. Философия гармонии. Омск: Изд-во ОГИС, 2002. 170 с.
6. Лосев А. Ф. Средневековая диалектика // www.philosophy.ru/library/lofef/dial.html.
7. Марченко Т. А. Потребность как социальное явление. М.: Высш. шк., 1990. 128 с.
8. Материалистическая диалектика как общая теория развития: Проблема развития в современных науках / Под. ред. Л. Ф. Ильичева. М.: Наука, 1983. 478 с.
9. Мещеряков В. Т. Гармония и гармоническое развитие. Л.: Наука, 1976. 120 с.
10. Милтс А. А. Гармония и дисгармония личности. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. 222 с.
11. Плотин. Эннеады // www.philosophy.ru/library/plotin/01/0.htm.
12. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138.
13. Сороко Э. М. Структурная гармония систем. Минск: Наука и техника, 1984. 264 с.
14. Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983. 320 с.
15. Щипкова А. В. О фундаментальной гносеологической роли парадоксов // www.philosophy.ru/iphras/library/phnauk4/SCHIP.htm.

*Евгения Михайловна НИКОЛАЕВА —
доцент кафедры социально-политических дисциплин,
Института экономики, управления и права
(г. Набережные Челны)*

УДК 316.6.001.5

СПОСОБНОСТЬ К ЦЕЛЕПОЛАГАНИЮ СОБСТВЕННОГО БЫТИЯ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛИЗИРОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается одно из важных синергетических представлений — теория аттракторов, возможность ее применения для объяснения механизмов личностного целеполагания. Синергетическое представление об аттракторах развития позволяет по-новому осмыслить философскую категорию социальной трансцендентности, выявив при этом малоизученные причинные зависимости.

The author, within the scope of synergetic approach, considers the theory of attractors and the possibility to employ it to explain how an individual constructs goals and objectives. Synergetic approach to attractors of development allows treating the philosophical category of social transcendence from a new angle that provides a basis to discover new cause and effect dependences.

Известно, что представления о настоящем и предвидение будущего определяют стоящие перед человеком цели. Мы можем осуществить желательные изменения, если видим новые направления развития и действуем для их осуществления. П. Валери принадлежит метафора «время — это конструкция». Метафора стала